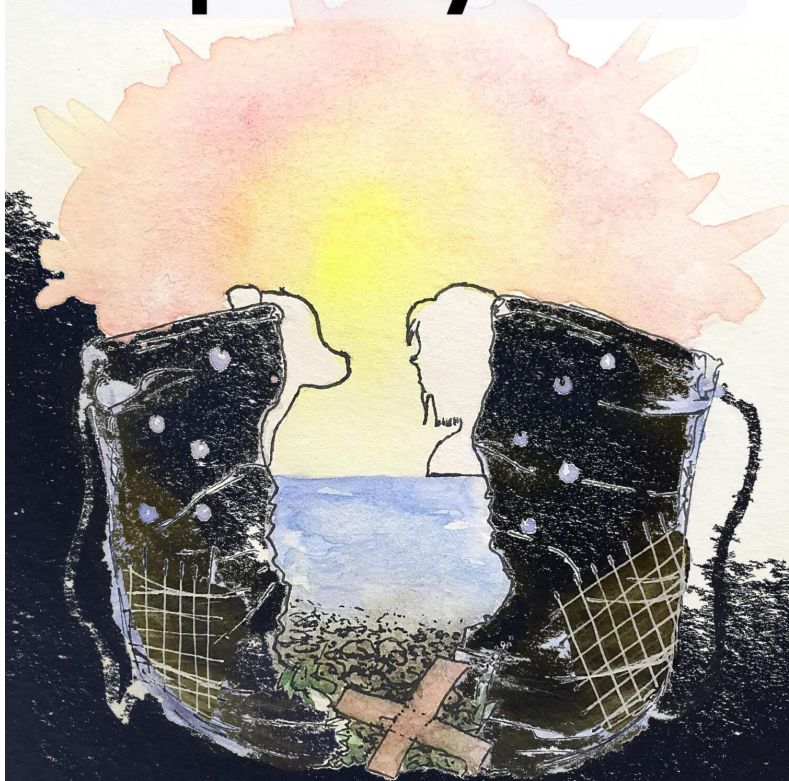

Герка гуляет

Бобина Анна

Анна Леонидовна Бобина

Герка гуляет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69522220

SelfPub; 2023

Аннотация

Порой в жизни случаются сложные времена. Конечно, всем хотелось бы, чтобы они скорее закончились. И всё же, такие времена нам дарят свои, зачастую, неожиданные возможности, встречи и победы. Надо только присмотреться внимательным сердцем.

Анна Бобина

Герка гуляет

Всё, отучился – весенние каникулы!

Какой же долгой порой бывает обычная неделя! Особенно, когда очень чего-то ждёшь.

А Герка ждал. Он очень ждал каникул, тот первый день, когда просыпаешься по привычке рано: за окном птицы поют, светлеет раньше, и можно не катиться по рутинным рельсам: проснуться – завтрак, если влезет – привычная поза перед компьютером – наушники в уши – уроки онлайн – домашка на полдня – ужин и унылые новости про вирус – игры онлайн или чаты с друзьями – спать. Теперь можно вылезти из этой рутины как из старой скорлупы и просто делать, что в голову взбредёт.

Вчера они с Димой договорились вместе гулять после завтрака. И это праздник.

Нет, никаких дней рождения или красных дней календаря. Просто завтра МОЖНО погулять.

Герка раньше не понимал, что можно делать на улице. Дойти куда-то и там находиться было для него понятно. Но находить удовольствие просто оттого, что идёшь по улице выглядело очень странным. Раньше.

В тот год буквально в течение двух недель жизненный уклад всех людей изменился радикально. Симптомы вируса,

статистика заразившихся, знакомое раньше только из учебников понятие "пандемия" – всё это стремительно и прочно влилось в жизнь большинства представителей человеческой расы. И никто, казалось, не был исключением. Люди боялись друг друга, поскольку болезнь, распространявшаяся по миру со страшной скоростью, грозила серьёзными последствиями, интернет пестрел советами о том, как правильно мыть руки, а одноразовые маски стали ужасным дефицитом.

Герка поначалу был спокоен и, главное, доволен тем, что можно не ходить в школу, точнее, нельзя ходить в школу, а нужно обязательно самоизолироваться от общества: заменившие обычные онлайн уроки часто срывались из-за того, что площадка для них не вывозила нагрузку, да и учителя толком не знали как вести занятия – в общем, халява. Он успевал поиграть и почитать в сети про своих любимых собак за учебный день. Друзья в чате делились своими идеями и отмазками, почему не работает камера, Герка брал на заметку самые удобные и аккуратно использовал, разработав стратегию, чтобы не попасться. Задания на дом, конечно, никуда не делись, но с ними у Герки всегда был короткий разговор: всё письменное выполнить, всё устное – выкрутиться. А выкручиваться теперь было легче: микрофон сломался, связь барахлит и прочее. Надо сказать, что Герке повезло с языком – он был хорошо подвешен, конечно, чтение книг и споры с папой, кто чистит картошку, тоже неплохо его тренировали, поэтому он мог пробежать устное зада-

ние на переменке и рассказать и даже порассуждать на уроке о чём надо, если спросят.

Школьно-научная жизнь теперь стала не бей лежачего, как говорил папа и Герка был с ним согласен, а вот школьно-социальная пострадала: друзья, к сожалению, так и остались только в чате и заметно это стало буквально через неделю, когда прошли первые выходные на самоизоляции.

Дима, Геркин лучший друг, учился с ним в одном классе и выходные они обычно проводили вместе ещё со второго класса. А в этот раз пришлось довольствоваться созвоном: обсудили то да сё, но весь день после звонка Герка маялся от скуки.

Играть ему надоело через три недели самоизоляции, а через месяц самый вид его комнаты стал вызывать тошноту. Но вот однажды, в тот день, когда Герка подумал, что он просто не в силах больше провести в своей комнате и минуты, родители разрешили ему гулять. Это было в начале марта.

Нет, самоизоляцию не отменили, пандемия, начавшаяся в конце января, продолжалась, но Геркины родители приняли решение, что ребёнок может выходить из дома, поскольку вирус, вроде бы, опасен, в основном, пожилым людям. Кроме того существовали послабления для владельцев собак, а Геркина семья как раз была счастливым обладателем резвого лабрадора Смельчака, который нуждался в ежедневной прогулке. Пёс исправно выгуливался дважды в день: утром его обычно выводила мама, умевшая вставать рано, а вечером –

папа. Поскольку в тот день Геркина первая прогулка состоялась после обеда, он отправился на улицу без собаки.

Начало марта, как правило, ничем не отличается от зимы: снега наметает иногда больше, чем в декабре.

Натянув шапку поглубже, Герка шёл через двор. Тусклое небо, линияющее серыми облаками, местами проглядывало чистой голубизной, а ветер невнятными порывами гонял позёмку туда—сюда. Герка чувствовал себя, как после долгой болезни, когда, выбравшись на улицу из приевшегося интерьера квартиры, ты ощущаешь всё вокруг чересчур просторным и слегка незнакомым. Привычные городские маршруты удивляют: вот тут, вроде, всегда тропинка поворачивала, а здесь не стояла скамейка. Уходя всё дальше в городские дебри, чувствуешь себя крошечным человечком, и не понятно, насколько этот мир дружелюбен. Герка направлялся к небольшому скверу у заброшенного здания школы – там они раньше часто гуляли с Димой. Мысль "раньше" неприятно кольнула, намекая на то, что как раньше уже не будет, да и вообще непонятно, как будет дальше. Вокруг не было ни души, что вносило в атмосферу нотку мистики и немного нагнетало упаднические настроения. Удивительно, как важны, оказывается, люди, снующие мимо. Формально Герка нарушал сейчас введённый городскими властями режим самоизоляции, но на улицах, к счастью, никто не было патруля для отлова нарушителей. К тому же, он придумал отмазку: скажет, что волонтёр, идёт за продуктами, если вдруг кто

его спросит. Это слегка облегчило ту часть Геркиной совести, которая отвечает за неуютное чувство, какое бывает, если едешь "зайцем" в автобусе. Он даже улыбнулся, окинув взглядом тусклый пейзаж. А вот и сквер.

Дима уже здесь, стоит у обшарпанной колонны школьного забора. Живой человек в этом постапокалиптическом окружении.

– Привет, ты как? – Герка с удовольствием пожал Димину руку.

– Привет, нормально. А вот бабушка заболела, – отозвался он.

Герка взглянул Диме в глаза и сразу понял, чем.

– В больнице?

Дима кивнул.

– Не пускают и мало чего говорят.

Они постояли друг против друга и, не сговариваясь, молча пошли вдоль старинного чугунного забора с кирпичными колоннами. Герка ждал, когда Дима заговорит. Что тут скажешь? Слишком много они слышали про вирус, чтобы ещё строить прогнозы, обнадёживать или фальшиво оптимистично подбадривать. Это лишнее.

Герка хорошо знал Димину бабушку: она всю жизнь была ветеринаром – так и не ушла на пенсию. Уже сейчас, далеко за восемьдесят, она принимала раз в неделю мохнатых пациентов. Душевный человек. Всякий раз, когда Герке доводилось с ней встречаться, она искренне интересовалась его

успехами и увлечениями, даже подбивала его заняться паркурром, как Дима.

– Поражение лёгких семьдесят шесть процентов.

Герка бросил на друга сочувственный взгляд – ясное дело, шансов мало. От таких новостей внутри поселилось какое-то квадратное чувство, холодное и подвижное. Вроде ты никак не желаешь принимать происходящее, жизнь бурлит и должна течь своим чередом, но тут на пути встаёт это холодное, неудобное осознание, что конец вот он, рядом и ты ничего не изменишь. Тотчас вспыхивают тёплые мысли-вероятности: ещё ничего не завершилось, лекарства есть, жизнь вернётся и продолжится. Память суетливо перебирает случаи выздоровления и с более тяжёлым состоянием. Но неизбежность конца слегка поворачивается и опять леденит душу острыми углами.

– Выносит то, что ничего не сделаешь. – Дима сердито глядел вперёд. – Только и могу что в аптеку за препаратами ходить и передавать. Спасибо, хоть, есть нужные.

– Давно?

– Сегодня третий день.

Герка не хотел, но слова сами вырвались:

– Может, выкарабкается.

Дима неопределённо хмыкнул. Больше они не говорили о Диминой бабушке. Бродили по городу, обсуждали что-то, Герка не мог вспомнить, что.

Вернулся он когда уже почти стемнело, голодный. Обыч-

но, куда-то вместе гуляя, они заходили перекусить, но сейчас это было невозможно: всё закрыто, запрет скоплений людей, да и настроение не то. Все общественные места, включая супермаркеты и мелкие магазинчики разметили пол красными или жёлтыми полосами, отмечая, на какой дистанции люди должны держаться друг от друга.

За ужином Герка едва отвечал папе, возвращаясь мысленно на безлюдные улицы, к закрытым дверям кафешек и этим полосам на полу.

Димины тревожные новости и изменившийся, как во сне, мир снаружи не развеяли Герку, но натолкнули на одну мысль. Едва доев, он ушёл в свою комнату, достал телефон и сделал то, чего раньше никогда не делал: позвонил бабушке. У Герки она осталась одна – мамина мама. Бабушка жила в соседней области, но заезжать получалось редко, только в летние каникулы. Мама регулярно созванивалась с ней и всё время звала Герку к телефону – поговорить. Но он не знал, о чём говорить и рассеянно отвечал на бабушкины вопросы. В этот раз Герка хотел спросить сам и с нетерпением ждал, когда зуммер прервётся.

– Алло?

– Бабушка, привет! Это Гера.

– Ой, здравствуй, Герочка!

– Привет, привет! Как у тебя дела?

– Всё хорошо, дружок, как ты?

На следующий день Герка отправился выгулять Смельчака, чем вызвал у мамы вопрос, всё ли с ним в порядке. Он отмахнулся:

– Ну, надо же когда-то испытать судьбу.

А папа пошутил:

– Это он кому-то проспорил. Не волнуйся, завтра или через пару дней, это пройдёт.

Среди друзей Герасим слыл любителем собак: он мог рассказать потрясающие факты и особенности характера померанского шпица или подробно описать историю породы и тактику дрессировки ньюфаундленда, но собственного лабрадора цвета слоновой кости знал чрезвычайно плохо. Он утверждал, что они не сошлись характерами и бросил воспитывать его, когда резвому псу был год от роду. Прогулка тоже стала делом ему чуждым – он так редко выполнял это поручение, никогда по доброй воле, что поначалу растерялся – как нацепить на пса шлейку. Повозившись минут пять, мальчик засунул-таки Смельчака в шлейку и, схватив шапку, вышел. Но Герка, большой любитель этих друзей человека, и не подозревал, что, выгуливая собаку, нужно быть бдительным и уметь быстро оценивать обстановку.

Из-за угла дома вырлился огромный бобтейл. Это такая со-

бака – груды шерсти ростом примерно с полторы овчарки. Он важно брёл, неслышно ступая косматыми лапами. За ним, держась за поводок, семенила хозяйка в пуховике таком же объёмном как её пёс.

Завидев Смельчака, бобтейл приостановился на мгновение, втянул большим чёрным носом воздух и обозначил на косматой голове пасть, приоткрыв её. Затем зычно рывкнул пару раз в сторону лабрадора и его хозяина и, не выказывая больше никакого интереса, двинулся дальше. Хозяйка бобтейла ничего не заметила, будучи целиком поглощённой беседой по телефону. Герка в это время надевал шапку и, вскинув глаза, мельком увидел косматую гору среди кустов. Он не понял, что надо крепко вцепиться в поводок или взять собаку за холку, он не успел даже выкрикнуть кличку своего пса. Он не знал, что это маленькое происшествие значило для лабрадора, который считал двор своей законной территорией. И что так просто чужак, поднявший на него голос в его собственных владениях, точно не уйдёт.

Смельчак рванулся, извиваясь, и вырвался из шлейки. Обретя свободу, пёс с радостным лаем бросился догонять скрывшегося из виду обидчика. Герка пустился за ним со всех ног – да куда там! Слетев по ступенькам, ведущим из двора, он успел только заметить хлопающие бархатные уши, исчезнувшие за пригорком.

С тех пор ежедневно Герка, подгоняемый укорами сове-

сти, – ведь это он упустил питомца – стал выходить на улицу в надежде встретить Смельчака, звал его, но пёс не возвращался.

Кличку лабрадору придумала мама: в первый же день, когда он появился в их доме, смешной пухлый щенок храбро атаковал щётку для пола, стоящую в углу. Он рычал пощечьями, припадал на передние лапы и звонко тявкал, возмущаясь, когда чёрные щетинки кололи его в нос пока он неуклюже наскакивал на щётку, стараясь укусить её.

– Вот так смельчак! – смеясь сказала мама, и имя к нему прилипло.

Пёс сразу признал в маме хозяйку, папу слушался тоже, а вот с Геркой частенько вёл себя бесцеремонно, как с равным, и вообще не пытался выполнять команды. Но он любил с Геркой играть и это очень выручало его в дни комнатного заточения, поэтому, хоть мальчик и ворчал на Смельчака, всё же его пропажа тревогой поселилась в Геркином сердце.

Через пару недель звать собаку Герка перестал, но упорно обходил квартал и слышать не хотел робкие предположения мамы, что Смельчака кто-то подобрал и пристроил у себя. За это время он расклеил и запостил сотни раз объявления о пропавшей собаке и привык гулять.

В один из дней он уже по обыкновению вышел под пасмурное небо во двор.

Герка жил в небольшом городе, а достоинством таких городов всегда являются достаточно просторные дворы. Геркин двор вмещал небольшую, тянущуюся вдоль дома парковку, за которой открывался пустырь метров двадцать на десять, круто обрываясь на краю холма. У подножия холма за пустырём пролегла нахоженная широкая тропа, отделяя городской мир от настоящего леса, взбирающегося на следующий крутой холм. Вообще, пустырь и лес когда-то были одним массивом и тропа прорезала себе путь здесь, наподобие речного русла по неведомым Герке причинам. Если смотреть от подъезда, тропу и не видно: пустырь плавно переходит в лес. Но попробуй пробежаться – ухнешь с края пустыря как в пропасть. Лес скрывал за опушкой несколько гаражей на тупиковой грунтовой дорожке, построенных нелегально на самой вершине холма. Жители окрестных домов часто гуляли в этом лесу – тут даже стоял официальный знак "место выгула собак", а прохожие любили срезать путь через гаражи, которые соединяли грунтовой два квартала.

Гаражи по большей части стояли заброшенные, кроме самого глубинного – его хозяин регулярно расчищал дорогу от снега, поэтому народ ходил здесь в любое время года.

В тот злополучный день, когда Смельчак сбежал, Герка как раз собирался пойти с ним к гаражам. Теперь он проходил свой регулярный маршрут через лесную опушку, гаражи и пустырь.

Пасмурное небо хмуρο нависало над городом. В воздухе временами пролетал то ли дождь, то ли снег – как будто день не определился с осадками. Слабый ветерок разносил эту морось, превращая прогулку в испытание. Два снеговика на нечищеном пустыре, которых Герка слепил неделю назад превратились в снежные горки с гладкими склонами. Они серели, отражая чернильное небо. Спасибо, не сломал никто. Герка улыбнулся. Это были два друга. Он вспомнил, как они были похожи на него и Димона, когда он только закончил лепить их. Хорошо, всё же, что он пошёл гулять, даже в такую погоду. А вот Дима, редко к нему присоединялся – всё больше оставался дома. Иногда только Герка вместе с ним заходил в аптеку, чтобы взять там что-то необходимое Диминой бабушке, которая по-прежнему лежала в больнице.

Кроме Димы Герка плотно общался с Матвеем – всё больше по части игр. Матвей был мастером в онлайн играх и серьёзно метил в лигу чемпионов в геймер-соревнованиях. Вот и сейчас он, наверное, пыхтит над своей стратегией, возводит, потеряв счёт времени, виртуальные укрепления и тренирует армию электронных бойцов. Герка сегодня халтурит – его крепость ... Ничего, наверстает как-нибудь. Просто здесь было что-то важное, Герка не знал, что, но уходить не хотелось. Он свернул с тропы в лес.

Снег под ногами шуршал алмазной крошкой. Переметённые лесные тропинки затерялись – приходилось заново протаптывать их по неверному мартовскому снегу. Чуть шаг-

нёшь в сторону – и ухнешь в глубину. Это было приключение, крошечное, но настоящее, которое принесёт тебе радость или досаду вместе с победой или неудачей.

Наверху за гаражами послышался собачий лай. Герка решил махнуть напрямик – сможет ли? Пару раз он провалился, зачерпнув ботинками колкую снежную крошку. Холод обжег его, подстегнув чутьё. Он бежал, стараясь почувствовать, где тропа не подведёт, где она плотная настолько, чтобы выдержать – пытался прощупать полупрозрачное крошево взглядом.

Выше по склону на снегу лежала небольшая ровная дощечка, аккуратно перекинувшись с одного края глубокого следа на другой. След оставил чей-то большой тяжёлый ботинок. Кругом, разумеется, было множество следов, снег давно перестал напоминать покрывало или скатерть и превратился в ноздреватую лунную поверхность, местами перемешанную в кашу множеством ног. Но этот след был самым заметным. Наверное, кто-то второпях шагнул чуть в сторону от обледеневшей тропинки и провалился в жёсткий снег.

Герка изловчился и перепрыгнул дощечку, даже не зачерпнув снега ботинками. Ему хотелось бежать и бежать вверх по склону просто так, чтобы устать. Он с удовольствием уворачивался от веток, стараясь быстро оценить, куда ступить, пыхтел и бежал. Наконец, добравшись до вершины, мальчик выскочил на расчищенную дорогу и подпрыгнул,

издав победный клич. А потом, переведя дух, без особой надежды позвал своего пса:

– Смельча-а-ак!

Он весь взмок, сердце колотилось тяжёлым молотом и чтобы охладиться, Герка скинул перчатки и погрузил руки в сугроб по локоть, сам прислушивался, не шуршит ли снег под лапами бегущего к нему лабрадора цвета слоновой кости. Тишина.

А всего через неделю вечером Герка завернул во двор, возвращаясь с разведпрогулки, как он это называл, и увидел, что весь снег сошёл с дорог. В сердце что-то радостно подпрыгнуло, когда он ощутил сквозь подошву ботинок твёрдый надёжный асфальт вместо хлипкой жижи.

"Завтра прокачусь," – решил он.

Весь вечер Герка провозился с велосипедом. Он устал, но не отправился спать, пока не закончил техосмотр полностью.

– Лучше проверить заранее, говорил он маме сквозь открытые двери в ванной, умываясь, – чем потом на стремительном спуске с горки рухнуть, когда что-нибудь отвалится.

А наутро Герка выглянул в окно и громко с досадой протянул:

– Ну во-о-от!

На подоконнике и повсюду на земле лежал лёгкий свежий снег.

Велосипед остался ждать лучших времён, а Герка отпра-

вился на улицу пешком. Собирался он неохотно: пасмурно и неприятно там. Сколько можно уже ходить и искать собаку?! Пёс, конечно, где-то в тепле, в чьей-то квартире, сыт и доволен. Такие настроения бывали чаще всего в непогоду. И мальчик задумывался: "А может, и правда хватит искать?" Но нет, Герке собаки не хватало. Почему-то он каждый день ждал встречи, ну или хотя бы звонка или сообщения, что Смельчак нашёлся.

– Ты думаешь, ей легко? – голос мамы звучал непривычно, с металлическими нотками.

– Да как же ты не поймёшь?! – восклицал папа в ответ. – Тебе это, вообще, надо? Ты уверена, что, больше некому? Есть родня, волонтеры...

– Я уверена, – перебила мама, чеканя слова, – что старый больной человек имеет право получить помощь, и если я вижу, что никто не приходит, значит сделаю это сама.

– Ага, – жёстко ответил папа, – Герка слышал, что он ходит по комнате быстрыми шагами, – давай! Почему бы и нам не схватить вирус! Люди заражаются мгновенно! – Герка почти наяву видел, как папа размахивает руками. – Пойдём к заболевшим соседям с непрошеной помощью...

Геркины родители обычно не ссорились. Все разногласия, как правило, разрешались мирно при помощи шутки или строгого предупреждения о последствиях. Сейчас всё было по-другому. По крайней мере, Герка никогда не слышал, чтобы родители разговаривали в таком тоне. Он проснулся от их голосов и теперь стоял в коридоре под дверью.

– Да как же она может попросить, если лежит в лёжку?

– ... и свалимся все трое. – Папа повысил голос:

– Ты в курсе, что есть волонтеры, соц.работники?

– Они перегружены! Сам знаешь, столько людей болеет...

– Что проку в твоей помощи? Ты не медик, чем ты поможешь? Я против игры в спасателей! – папа кипятился и говорил всё быстрее. – Напрасные жертвы никому не нужны!

В комнате стало тихо. Герка уже готов был войти, потому что просто слушать было невыносимо.

– Ты прав, – вдруг тихо сказала мама. Герка замер у двери.

Мамин голос звучал устало и жалобно.

– Мне страшно. Столько умерло уже от этой заразы... и всё ближе. Теперь вот Светлана Сергеевна... Я хочу, должна чем-то ей помочь.

Герка хорошо понимал маму. Ему тоже не сиделось на месте. Даже избегая новостей, волей-неволей он знал, что больницы переполнены, люди умирают, но по-настоящему страшно становилось, когда приходило известие о смерти родственников знакомого. Он, конечно, думал о бабушке Димы. Тогда где-то внутри рождался леденящий холод, мо-

жет, страх, который гнал Герку с места, и он шёл, сбегал от этих мыслей на улицу.

Он даже думал записаться в волонтёры, которые занимались тем, что доставляли продукты и лекарства одиноким пожилым людям или неблагополучным семьям на самоизоляции. Причём опасности для здоровья Герка тут не видел – оплата продуктов бесконтактная, передать пакет можно, оставив у двери в подъезде. Он нашёл сайт и местные контакты волонтёрского движения, но как-то ещё не добрался посмотреть условия вступления в волонтерский отряд.

После маминых слов папа молчал, и Герка вошёл в комнату.

– Я могу зайти и проведать Светлану Сергеевну, – сказал он и добавил, поймав папин скептический взгляд, – мне не опасно, к тому же, я приму меры. А то вы того и гляди поссоритесь.

... Уже неделю Герка помогал соседке. Светлана Сергеевна была ещё слаба, но потихоньку справлялась с хозяйством. Из больницы её выписали потому, что мест для новых заболевших не осталось. Соседка не жаловалась, но Герка видел, что слабость заставляла её поминутно присаживаться отдохнуть, а глубокий кашель часто одолевал неистовыми приступами. Она первые дня три благодарила мальчика буквально за каждый шаг. "Вот сюда положи, ой, спасибо! Это там, ага.., вот, спасибо! А это здесь можешь оставить. Вот молодец-то

какой, спасибо тебе!" Он даже устал кивать и бормотать в ответ что-нибудь вежливое.

В основном он помогал с продуктами: получить список, карточку, пакеты – купить – принести – разложить по местам. Потом он добровольно взял на себя вынос мусора, после того, как однажды зашёл в квартиру и почувал отвратный запах с кухни. Изредка соседка ещё просила его полить цветы. Это было самым сложным, потому что цветов у Светланы Сергеевны было немерено и добраться до некоторых стоило немалых усилий. Из двух комнат, в её квартире, пожилая соседка умудрилась настолько захламить одну из них, что её с трудом можно было назвать жилой: жить там было негде. Стулья, шкафчики, какие-то этажерки для цветов, но заваленные книгами, хаотично грудились в комнате, и Герке пришлось минут сорок расчищать себе путь к окну, чтобы добраться и полить там цветы в первый раз.

Герке, в целом, нравилось. Это, наверное, как раз то, чем занимаются волонтеры. Он приходил через день после окончания занятий, которые по-прежнему шли онлайн, и тратил на помощь соседке что-то около часа. В пятницу Светлана Сергеевна торжественно вручила ему ключи, промокнув глаза широким платком:

– Я в детстве... с ребятами из двора, – говорила она, всхлипывая, – в Тимуровцах была. Так вот... всё больше выбирала собак кормить да кошек искать. – Она прерывисто вздохнула, – Со стариками возиться не хотела... – и уткнула

лицо в платок.

Герка немного постоял в нерешительности. Чтобы как-то заполнить молчание, он принялся нацеплять ключи на брелок к своим домашним ключам.

Светлана Сергеевна устало откинулась на спинку кресла, атакованная новым приступом кашля, и проговорила сдавленным голосом:

– Спасибо, Герочка, тебе.

– Ну что вы, – отозвался он, – мне ведь не сложно.

Герка взял на кухне пакет с мусором и вышел во двор, размышляя. Получается, всего одно поколение назад дети в свободное время собирались в отряды, помогали людям и, скорее всего, чувствовали себя по-настоящему взрослыми, получив такой опыт. Герка на себе ощутил, как много начинаешь понимать и о многом задумываться, что никогда раньше не пришло бы в голову, взявшись позаботиться о ком-то.

На улице таяли сумерки, но Герка не спешил домой. В тот день папу отправили сдать анализ на вирус, потому что ему предстояло встретиться с кем-то из коллег, и они с мамой ушли в медицинский центр после работы. Родители тоже работали из дома и это имело свои неудобства, но, в целом, не напрягало. Герка любил, когда семья в сборе. Вот, Смельчака ещё осталось отыскать.

От раздумий Герку отвлек странный звук бряканья металла о металл. Он только что отпустил в контейнер пакет с мусором и в этот же момент понял, что держал его вместе со

связкой ключей в одной руке. С полминуты он ошарашенно смотрел на контейнер – как так? Герка никогда в жизни не терял ключи, а тут не только свои, но и только что врученные соседкой. Где была его голова?

Предпринять нечего – ключи отправились в мусорный контейнер, их уже не достать, да и долго стоять, собираясь с мыслями, на одном месте тоже не вышло: мальчик оставил верхнюю одежду дома, когда уходил к соседке.

Первая декада апреля – время холодное, а вечерами подмораживает, поэтому Герка быстро продрог без шапки и куртки. Шагая к дому, он с досадой думал о том, что теперь придётся делать в мастерской ключ соседке: тоже мне, помощник. Что свои ключи он тоже упустил, мальчик особо не беспокоился: у родителей есть по комплекту. Как теперь попасть домой? Вот, глупая ситуация!

Соседка не могла открыть ему подъезд – у неё не было домофона. Герка огляделся: пустынно, народ должен быть дома. Он поёжился и позвонил в первую квартиру. Никто не ответил. Ещё и ещё – удивительно. Все соседи наверняка, стопроцентно дома, ведь они тоже самоизолировались, но никто не открывает дверь. Простояв у домофона минут десять, Герка окончательно замёрз и тоскливо оглядел двор, в очередной раз убеждаясь, что там никого нет. Колючий снег пролетал на ветру. Кругом стало совсем темно, надо найти укрытие и дождаться родителей. Обводя взглядом двор, мальчик заметил неподалеку огонёк в вечерней тьме, как

будто свет костра в дремучем лесу.

Геркин двор делил большой пустырь с ещё одним домом, стоявшим по-соседству. Пустырь широким коротким склоном сбегал в газон, разливающийся треугольной площадкой, которая упиралась в забор, начинающийся в соседнем дворе. Старинный чугунный забор с незатейливым узором огораживал бывший детский сад. В этом здании теперь расположен православный приход, вроде то же самое, что и обычная церковь, только в не предназначенном для этого помещении. Там светились окна. Именно этот свет увидел мальчик. Вот где можно согреться.

Не очень представляя, что его ждёт, но страстно желая попасть в тепло, Герка пересёк двор и, унимая дрожь, подошёл к крыльцу. К двери вели пять широких ступенек, выходящих на террасу, посреди которой, у порога, лежал небольшой коврик. Ступеньки освещались мягким холодным светом двух LED фонарей, установленных по краям террасы. Мальчик ненадолго замешкался перед входом, но холодный порыв ветра, подогнал его – он потянул тяжёлую стальную дверь.

Герка зашёл в приход: в фойе тепло, тихо, слышится только негромкое пение какого-то ансамбля, и безлюдно, и пахнет необычно – очень добрым чем-то. Может быть, так пахнет шкафчик с бабушкиным рукоделием, Герка с удивлением вспомнил, что в детстве, приезжая в гости, любил лазить туда, перебирать клубки и спицы.

Взгляд Герки уткнулся в большую икону, висевшую напротив входа. В полутьме, царившей тут, он разобрал, что на ней был изображён старик в полный рост в длинной одежде, со свитком в руке, немного склонившийся вправо. Лицо его показалось Герке странно знакомым.

Он потоптался у порога, озираясь, и пол жутко заскрипел. От неожиданности мальчик замер – он до дрожи не любил привлекать к себе внимание, особенно в незнакомом месте. Ему казалось, что сейчас кто-то выйдет из зала, в который вел проём без дверей в дальнем конце фойе, и строго его отчитает за шум. Но никто не вышел. Заметив в углу рядом с дверным проёмом небольшой шкафчик и длинную скамейку возле него, Герка огромными шагами, ступая на цыпочках, пересёк покрытый стареньким, вычищенным ковром пол и плюхнулся на скамью, прислонившись к шкафу. Замёрзшие руки кололо, мальчик зажал ладони между коленями, чтобы согреться. Герка не думал, что будет дальше, он просто сидел, благодарный теплу, и смотрел в большое помещение, принятое им поначалу за зал, – бывшую группу детского сада, в которой был обустроен алтарь и собирались прихожане. Герка в таких местах не бывал.

Мальчик отметил, что здесь довольнолюдно. Он уже отвык видеть столько человек в одном месте. Люди, собравшиеся перед алтарём, были одеты, что заметил он в первую очередь, весьма контрастно. Опостылевшие белые, синеватые или чёрные маски были на всех. Он увидел нескольких жен-

щин в пуховиках, неподалёку от двери стоял человек в куртке, и в то же время все мужчины были без шапок, а все женщины – в платках, кто-то был просто в рубашках или кофтах – совсем не по погоде. Герка перевёл взгляд в фойе и у противоположной стены заметил вешалку – всё ясно, наверное, кто желает, может снимать верхнюю одежду. Это почему-то напомнило ему кинотеатр, только там ты снимаешь куртку в зале и сидишь с ней в обнимку.

Совсем рядом с дверным проёмом стояла бесцветная женщина, Герка даже удивился, что вообще заметил её. Она вся была одного пыльно-бежевого цвета: лицо, наполовину спрятанное в маске, и руки, волосы, прикрытые глаза, платье и платок, напоминавший занавеску из класса математики. Герке показалось, что ей должно быть очень холодно. Лицо её терялось – в дрожащем пламени свечей она почти превращалась в тень. Мальчик перевёл взгляд на окно – там синела темнота.

Дрожь унялась – он почти согрелся. Герка поёрзал на скамейке, думая, чем бы заняться, но тут его снова привлёк свет. В зале горело множество свечей на специальных подставках и где-то ещё были зажжены электрические светильники, но он увидел свет у одной иконы на большой стене, составленной из изображений святых, которая, кажется, называется иконостасом. Целая, специально здесь установленная, стена из светлого дерева, в которой виднелись три вхо-

да: две красивые резные дверцы по бокам и ворота в центре. Перед двумя иконами по краям этих распашных ворот висели лампы с крохотными огоньками внутри. Они не могли дать много света, но дальняя от Герки икона казалась прямо наполненной светом. Она словно притягивала его взгляд. На ней была изображена, Герка догадался, святая Мария, Богоматерь в полный рост с младенцем на руках – какое-то классическое изображение, наверное. В сине-красных тонах с размытым бурым фоном. На ней не было ничего светлого, но отчего-то крохотный огонёк лампы как будто зажигал невидимый очаг. Казалось, свет шёл изнутри изображения. И Герке стало тепло и уютно, как у бабушки в гостях.

Певцы, невидимые из фойе, которых Герка принял за репетировавший ансамбль, пели что-то стройно и ладно. Ему вспомнились обрывки новостей, когда передают репортажи из храмов про большие православные праздники – в них всегда слышно это растянутое пение. Сейчас оно было частью атмосферы, как будто пели стены или воздух. Потом раздался голос священника – звучный, призывный как гудок теплохода. Он что-то пропел на одной ноте – Герка не разобрал слов – а певцы ему ответили, вроде. Получался как будто разговор или партии в мюзикле или, скорее, в опере. Герка был там пару раз с мамой – тоже половину слов не понял.

Тут одна боковая дверца открылась и в зал вышел священник в такой же, как у всех, медицинской маске и золотой

рясе.

Угол возле иконостаса был отгорожен деревянной ширмой выкрашенной в тёмно-красный с широкой золотой каймой. Священник зашёл за ширму с книгой в золотистом окладе и золотым крестом в руках. Герка увидел, как сразу туда же из глубины зала выстроилась очередь из самых разных людей, бывших на службе. Они по одному заходили за ширму и через минуту-две выходили. Певчие в это время замолчали, лишь одна из них стала что-то беспрерывно говорить на одной ноте.

Вот мужчина с костылём приблизился к ширме словно спортсмен к краю доски для прыжков в воду медленной, но решительной слегка пружинящей походкой. Лицо его, Герка видел хорошо, было как будто сосредоточено и задумчиво, он смотрел вниз. А когда вышел из-за ширмы выражение совсем переменялось: глаза посветлели и улыбались. Герка наблюдал за прихожанами: такие перемены происходили со многими, кто-то даже вытирал слёзы. Они говорили со священником и, наверное, получали какие-то ответы.

Он силился понять, что заставляет их всех приходить, стоять заворожённо и сосредоточенно, и разговаривать со священником. Для чего им это вообще? О чём они говорят?

Пожилой человек в очках и клетчатой рубашке, стоявший у входа глянул на него спокойным медленным взглядом. В этом взгляде не было осуждения или насмешки, хотя взгляд

над маской всегда кажется более пристальным, но Герка почувствовал себя неловко оттого, что сидит вот так, прислонившись к шкафу. Герка встал, мужчина продолжал смотреть на него и во взгляде его промелькнула одобрительная улыбка, будто он что-то давно спрашивал, а Герка наконец ответил верно.

– Ждёшь кого? – вдруг услышал Герка за спиной.

Бабушка с круглым прозрачным лицом и стянутой на подбородок маской добродушно улыбалась ему.

– Нет, я... – Герка немного растерялся от неожиданности, – погреться зашёл.

Старушка кивнула и тронув Герку за локоть предложила:

– Вот проходи, чаю попьёшь горячего – согреешься.

Она пошла крошечными шагами, оглядываясь, чтобы убедиться, что Герка идёт следом, к лестничной клетке – дверь туда была ровно напротив входной.

Небольшая тесная площадка своеобразным перекрёстком вела в разные стороны: вверх по двум лестничным пролётам (раньше туда поднимались дошкольники старших и подготовительных групп), влево – высокая закрытая дверь, вправо – короткий коридорчик с двумя кабинетами и прямо – как в проходных подъездах – на задний двор.

– Вот, заходи, – заботливо проговорила старушка, отворяя дверь слева. Лицо её, поминутно глядевшее на Герку, было словно аккуратно прорисованным: морщинка к морщинке, полупрозрачные брови удивлённой дугой поднимались над

лучистыми голубыми глазами. Белые-белые волосы, выбившиеся из-под простого серенького платка, придавали её лицу лунное сияние и какую-то сказочность. Казалось, она знает всё заранее: и Геркину историю, и его мысли, и то, что случится потом. При этом, старушка ни о чём не спрашивала, а просто, как знакомого, усадила за стол.

Комната была просторной и домашней, как будто сидишь в гостях и поджидаешь отлучившегося ненадолго друга. Люди готовили здесь – Герка заметил плиту с духовкой и обычный кухонный гарнитур. Центральное место занимал большой овальный стол, покрытый красивой скатертью, в середине стояли цветы в вазе, вокруг которой сгрудились вазочки с печеньем, пряниками и вафлями.

Герка ни за что бы не поверил, что за невзрачными стенами прихода есть такое тёплое по-домашнему место.

– Наверное, помощь кому-то нужна. Вот тебя сюда и привели ноги-то, – добродушно рассуждала старушка, короткими уютными движениями, наливая чай и придвигая к Герке поближе тарелку с хлебом и вазочку с вареньем.

Герка тут же вспомнил Димину бабушку.

– Да, вообще-то, – удивляясь ответил он.

Старушка кивнула.

Тут ему в голову пришла одна неприятная мысль:

– Если я сюда пришёл, значит всё плохо?

Старушка улыбнулась.

– А что значит плохо, – она помолчала, поглядев на свои сложенные руки. – Мы все понимаем это по-разному.

Герка взял чашку двумя руками – от ладоней побежало приятное тепло.

– Ну, плохо... болезнь, например.

– Ну, даже если и болезнь, – негромко проговорила старушка. – Испытание, – она вздохнула. – Ох, испытания. Они нам всегда даются по силам, – и склонила голову набок, слегка улыбнувшись, глядя на мальчика.

– Какое бы ни было оно, испытание всегда несёт страдания.

– Но зачем? – Герка чувствовал, что ответ ему не понравится.

– Чтобы исправиться. Мы, когда сталкиваемся с трудностями, страдаем, потому что всё легко хотим получать. – Она замолкла на мгновение и вздохнула, – а легко не полезно – расслабляется душа, теряет чистые ориентиры.

Он мотнул головой, но ничего не сказал, чтобы не обидеть собеседницу.

Старушка коротко покивала своим мыслям и терпеливо принялась объяснять:

– Святые люди, они, ведь, тоже не сразу святыми стали, – она плавно водила рукой, отмеряя в воздухе шаги. – Им одно за другим испытания посылались и они, святые, в отличие от многих, многих из нас, их безропотно принимали, силу духовную обретая. Вон, сколько им выпадало – нам и не сни-

лось, – она снова вздохнула. Потом глянула на Герку лучистыми глазами:

– Ты пей чай, вафельку бери или, вот, пряник. Наши мастерицы пекли.

Герка взял пряник.

За чаем Герка узнал, что в приходе есть воскресная школа и библиотека, куда старушка его пригласила приходить в любое время.

– Ты человек, думающий, – говорила она, провожая Герку сквозь фойе, – вот и приходи почитай, если интересно. Ну и просто так заходи.

У входной двери мальчик снова бросил взгляд на большую икону.

– А это святой преподобный Сергей Радонежский, – старушка почтительно кивнула – в его честь наш приход и освящён.

Герка снова удивился. Где-то он слышал это имя.

Поблагодарив старушку, он вышел в темноту, слегка разбавленную тусклым светом фонарей. Холодный ветер порывами носился по двору, но Герка засунул руки в карманы и, согретый тёплым чаем, добрался до подъезда, не заметив ветра.

Наконец-то он попал домой.

Мама очень удивилась, увидев его без куртки.

Герка коротко объяснил, что с ним приключилось и они вместе посмеялись над тем, что хотя бы Геркиным ключам будет не скучно коротать век на свалке в компании ключа соседки.

– Как же ты не околел совсем? – спросила мама.

– Я в приходе посидел, отогрелся.

– В каком приходе? – спросил папа.

А мама кивнула:

– Ну тут, рядышком, приход Сергия Радонежского.

– Мм, – отозвался папа, – историческая личность.

И тут Герку осенило, где он слышал и видел того святого с большой иконы – в учебнике истории, когда про Куликовскую битву читал.

Лёжа в кровати, Герка думал о болезнях и испытаниях. Если они даются, чтобы стать лучше, значит, всему человечеству пришла пора исправиться, раз заболела целая планета?

С приходом тепла, Герка всё дольше оставался на улице. Обычно он задерживался во дворе.

На треугольной площадке за пустырём одиноко стояла пе-

сочница – в ней давно никто не играл, только изредка дети прихожан по воскресеньям копошились в чистом белом песке. В стороне, вдоль тропы высилась старая металлическая горка. Герка катался с неё в детстве.

Он уныло водил носком ботинка по песку – телефон в кармане, сил смотреть на него больше нет, – и медленно рассматривал перила у крыльца соседнего дома.

“Где он, неужели не выйдет?”

Но нет – он вышел, отправился неспешной походкой с выправкой охотника вниз по тротуару. Ноги размеренно шагают, вдумчиво отмеряя расстояние, левая рука свободно потихоньку раскачивается в такт, а правая по привычке застыла по-солдатски, будто придерживая висящее на плече невидимое ружьё.

Это старый охотник. Герка случайно познакомился с ним на этой самой площадке в конце апреля.

Старик был немногословен. Он умел сказать так, что остальное понималось как-то само. Разговор всегда начинал неожиданно, словно продолжая начатую когда-то беседу. Иногда Герка спрашивал его и старик охотно отвечал.

В тот день он подошёл неожиданно и бесшумно, мельком глянул, как Герка играет в телефоне, сидя на бортике песочницы, и сказал как старому знакомому:

– Новый век – новые игрушки, а?

Голос у него звучал глухо и вкрадчиво, словно шелестел.

Герка поднял глаза:

– Во что ещё поиграешь тут? – он пожал плечами. Этот человек, вроде, не был похож на других пожилых, с которыми Герке приходилось сталкиваться, не осуждал с первого взгляда и пока не выспрашивал.

– Да, и не с кем, – старик усмехнулся – будто сухой сучок надломился. – Меня Александром звать. Я тут всю жизнь вон в том подъезде живу.

Александр говорил тихо, быстро и отрывисто, Герка с трудом улавливал слова.

– Собак держу – охотник...

Телефон был выключен и забыт на следующие полчаса, пока Александр рассказывал, словно по секрету, своим шелестящим голосом охотничьи истории. Герка внимательно слушал, потому что понимать его речь было нелегко, и изредка вставлял вопросы. Но вот спросил и Александр неожиданно:

– А где твой пёс? У тебя 'дь лабрадор, вроде?

– Сбежал, – Герка покачал головой, – вот, хожу, жду.

Старик глянул бесцветными глазами, как будто пронизанными лучиками яркого солнца, Герке в лицо:

– Подобрали.

– Вы видели? – мальчик восторженно спросил, – откуда вы знаете?

– Не видел, – охотник сухо кашлянул, – если б не подобрали, давно пришёл б. Они ж чуют хозяев и дом свой.

Он поглядел вдаль мимо Герки.

– Давно тут?

– Живу? – уточнил Герка.

Охотник кивнул.

– Шестнадцать лет.

Старик беззвучно посмеялся:

– Знач'т, тоже всю жизнь.

Через пару дней Герка брёл мимо песочницы и встретил старого охотника снова. Тот задумчиво разглядывал пустырь со старыми тополями по краям.

– Там стояла карусель, – поздоровавшись глазами, спокойно, словно отвечая на вопрос Герки, сказал он и кивнул на угол площадки. – Мы её выворотили и выкинули. А площадку ровняли. Накидали камней, – он махнул рукой на груду булыжников, видневшихся на склоне.

– Один вот, укатился. – Старик втянул воздух полной грудью, взгляд его немного растерянно нашёл в траве огромный булыжник, когда-то скатившийся с площадки и плотно вросший в траву возле высокой сосны. Герка стоял, прислушиваясь, немного ошарашенный неожиданным рассказом.

Охотник помолчал, вглядываясь в прошлое, которое он мог видеть, а Герка нет.

– А тут гаражи стояли, – он указал глазами на ровную площадку с песочницей, поросшую сочной зелёной травой. – Три штуки.

Герка не мог понять по голосу старого охотника, что он чувствует. Грустно или радостно тому от воспоминаний, которые всплывают перед ним, и почему он делится этими воспоминаниями.

Старик стоял ровно и неподвижно, изредка переступая, будто неуверенно. Лицо его не грустило и не улыбалось, только глаза, выцветшие на лесном солнце, зорко проникали сквозь слои времени, читая в каждом клочке земли его историю.

Герке хотелось послушать ещё. Слова охотника словно отправляли его в путешествие на машине времени. Он ясно видел молодых длинноногих парней в лёгких рубашках, шумно балагуривших за работой. Вот двое из них укатили на опушку леса карусель. Она с металлическим лязгом завалилась на бок, а ребята наперегонки помчались к баскетбольной площадке, отряхивая на ходу кусочки облупившейся жёлтой краски с рук.

Летний ветерок легко уносит облачка пыли, поднявшиеся на дороге.

Их много собралось – все они друзья и соседи, выросшие в дворовых приключениях, бок о бок – одной командой. Вот один из парней сидит на тополе, плотно обхватив ногами ствол и отпиливает толстые ветви. Лицо его покраснелось, он шумно отдувается и упорно пилит крепкое дерево. Двое разматывают волейбольную сетку, чтобы натянуть её на новенькие блестящие зелёной краской металлические столби-

ки по краям площадки, а тут ближе к лесу ещё трое парней таскают камни, чтобы поднять уровень площадки над тропинкой и расширить её. Двое, утащившие карусель, присоединяются к ним. Они шутят, насвистывают и дело у них ладится. Схватив огромный булыжник с двух сторон, мальчишки дружно раскачивают его как на качелях и выпускают. Камень летит, шумно бухается на край откоса, но не удержавшись, вприпрыжку кувыркается с пригорка через тропу и с силой ударяется о сосну, отшатывается чуть-чуть и медленно опускается, подминая траву.

Вот здесь он теперь и лежит, словно вросший в землю. Герка уважительно посмотрел на камень. Он теперь стал не просто камнем, а каким-то знакомым, что ли.

Старик молчал, и Герка понял, что он погружён в воспоминания и, может, тоже как наяву видит, своих друзей за общей работой и игрой, ведь он здесь – среди этих же сосен, возле той площадки, на которой пропадал день деньской в далёком счастливом детстве.

Теперь здесь пустырь – не осталось ни бетонных столбов, ни деревьев.

Герка вспомнил, что и он часто играл здесь в детстве. Один раз Дима придумал кататься со старой металлической горки на футболках. В другой – Матвей надел свои носки на два конца палки, уселся в низ горки и принялся грести этой палкой с носками будто в лодке веслом. Часто они строили

шалаш из найденных под деревьями веток и играли в выживание в лесу. Герке всегда нравилось отвечать за припасы – таскать из дома печенье, мармелад и яблоки. Удивительно, он почти забыл об этом. Теперь они стали старше, и школьные заботы, и ещё эта пандемия... хотя, может, она ни при чём.

Бывают, оказывается и такие – удивительные люди с говорящими глазами и бесцветным голосом, хранящие далёкое прошлое.

Проводив старого охотника взглядом, Герка поднялся и отправился привычным маршрутом. Он уже не надеялся встретить Смельчака, но оставаться в четырёх стенах и во все невыносимо. Закончив обход, он увидел Александра во дворе. Тот, видимо, вернулся из магазина и остановился возле бордюра, разглядывая что-то на земле. Герка подошёл к нему и встал рядом.

– Ребятишки из соседнего п'дъезда тут посадили цветы, что ль, – сказал охотник, поприветствовав мальчика взглядом. – Я вот хочу оградить маленько клумбу-то, а то затопчут люди да собаки, – Александр махнул рукой несколько раз, вычерчивая в воздухе границы будущего цветника.

– Можно я к вам присоединюсь? Вы во сколько придёте?

– Часов в десять завтра. – Старый охотник, прищурившись, поглядел на небо, словно сверяя часы. – Рано не пойду, – улыбка мелькнула в его живых глазах, когда он посмот-

рел на Герку, – прих'ди.

Он, кивнул, прощаясь, молча поднял свой пакет и почти беззвучно зашагал к подъезду.

Герка вернулся домой довольный. Некая радость оттого, что он может помочь старому охотнику, дарила вдохновение и разбавляла однообразие вечера. До самой ночи он ходил в приподнятом настроении.

...Битва была в самом разгаре. Отряд соперников с численным преимуществом старался оттеснить их на каменистый мыс, отрезая пути к отступлению. Герка и Макар отлично замаскировали своих бойцов, они подготовили ловушку.

– Сейчас, – Герка услышал в наушнике голос Матвея, – давайте поближе сюда, это ещё цветочки.

Тут Герку как молнией прошибло:

– Подожди,..одиннадцать почти... мне же надо! Ох! – Герка сбросил наушники, сорвался со стула и помчался во двор.

"Может, он ещё там? Как же я мог забыть?!"

Он слетел по ступенькам, ногой толкнул металлическую дверь и вырвался на улицу. Через двор Герка шёл уже не спеша: там никого не было. Он приблизился к детской клумбе: по боковым сторонам и спереди лежали аккуратно выложенные крупные булыжники, а задняя загородка была сплетена на традиционный манер из тонких веток. Герка прикинул: это не быстрая работа и... он в ней не участвовал. Так пар-

шиво он себя давно не чувствовал. Ещё хуже ему становилось при мысли о том, как теперь смотреть в глаза старому охотнику.

"Позорище!"

Он вернулся домой, скомкано объяснил Матвею, что сегодня больше не играет и сел на кровать. Потом встал, выглянул в окно. На улице редкие прохожие яркими пятнами проплывали в сером весеннем пейзаже.

Что это? Слёзы?

И правда, жгучие слёзы щипали глаза и холодными густыми капельками медленно сползали из правого глаза.

Герка сердито размазал их по щеке и, грохнув кулаком по подоконнику, выкрикнул в голос:

– Трепло!

Цветочный горшок слегка подскочил, брякнув керамическим дном, в коридоре послышались быстрые шаги и мама постучала:

– Гера, всё в порядке?

– Да.

Он дежурил во дворе весь день и был готов остаться на ночь, на месяц – сколько потребуется. Герка не мог это так оставить и ждать следующей случайной встречи. Он должен был извиниться.

Но Александр, верный своим привычкам, вышел около

шести.

Герка чувствовал, как у него горят уши, а в груди холодит, словно насыпали ледяной крошки. Он подошёл, здороваясь кивком, и звонко сказал:

– Я забыл, заигрался утром. Простите, я ведь обещал помочь и не пришёл.

Он стоял перед старым охотником, не чуя под собой ног. Кажется никогда раньше он так не волновался.

Александр покивал, скользнув взглядом с Герки на тротуар, словно прислушиваясь.

– Ну-ну, бывает, – негромко ответил он и поднял на Герку улыбающиеся глаза.

Герке стало легче дышать. Этот взгляд объяснил всё: конечно, он прощён.

– Спасибо.

– Ещё есть охота помочь?

Герка с готовностью кивнул. Что угодно – он действительно хотел отработать свой промах.

В следующие два дня они разобрали груды булыжников, сваленных в углу двора после ремонта теплосети, обложив ими люки колодцев. Александр научил Герку мастерить плетень и они украсили два небольших газона под окнами соседнего дома – по просьбе жильцов, которым очень понравилась оформленная детская клумба. Одна старушка, свесившись из окна, даже угостила их блинами, вернее, Герку – Александр, усмехаясь, отказался.

С наступлением мая Герка изменил маршрут и часто ходил на пляж. Не тот, где загорают. Пляж был дикий – просто серый каменный песок и груды камней, плотно покрывавшие широкое пространство от воды до леса. Этот безжизненный каменный пояс тянулся далеко, повторяя все изгибы вытянутого озера, и в любую погоду смотрелся довольно уныло. Но Герке нравилось здесь.

Он любил смотреть вдаль, туда, где берег сливался с чернильным горизонтом.

Герка открыл это место, забредя однажды на опушку бетонных джунглей. В этом старом районе было очень неудобно: тут сносили старые дома. Герка шёл, стараясь побыстрее покинуть это пыльное место, и под ногами хрустели черепки. Всё кругом было огорожено заборчиками из светлых занозистых досок.

На этой улице ещё сохранились дома первостроителей города, деревянные, в два этажа, некоторые квартиры совсем без ванной. Герка не представлял, как люди жили в них.

Один дом уже снесли, и теперь рабочие складывали уцелевшие балки, которые могут ещё пригодиться, на подъёмник автокрана. Соседний дом пока стоял, у него только не

было крыши – вместо неё торчали острыми зубцами стропила. От этого дом выглядел особенно жалко: словно он ещё не понял, что его дни сочтены, и ждал возвращения жильцов, глядя пустыми глазницами окон сквозь пыль.

Герка побыстрее выбрался в конец улицы, где шум отдалился. Он задержался у последнего дома. Этот тоже предназначался под снос, но жильцы отстояли его и не позволили разрушить: скандальная история. Зачем он им? Герка размышлял о сентиментальности и благоразумии, когда кто-то в комнате с открытым окном и тонкой голубой занавеской тронул гитарную струну. Гулкие звуки капнули и мягко разлились по улице. А затем зазвучала мелодия – невидимый музыкант аккуратно и легко играл задумчивую музыку. Герка не мог пройти мимо, ему хотелось стоять и слушать, и слушать эту песню старого дома. Сейчас не было ничего важнее звуков. Казалось, музыка уносит его куда-то вдаль, в безвременье. Он не знал, где он: сегодня, завтра или вчера – просто плыл на волнах мелодии, свободно струящейся сквозь открытое окно старого дома, и чувствовал безмятежность и покой. Когда музыка стихла, Герка немного подождал следующей мелодии, но музыкант больше не играл. Тогда мальчик продолжил свой путь, свернув на первую попавшуюся тропинку. Он и привела его на пляж.

Здесь было безлюдно, ведь до сезона, когда любой клочок земли у воды плотно набит людьми, ещё далеко. Тут Герка действительно отдыхал – заботы и беспокойные мысли осе-

дали там, на крайней улице вместе с пылью. Тут можно было представить море. Ему довелось побывать там раза три. Стоя на каменном пляже и закрывая глаза, Герка мог увидеть и даже услышать его: море без устали бьётся о камни – синее-синее до самого берега.

Звук рокотом подкатывает к земле, нарастая и заполняя воздух вокруг, затем вдруг весь медленным плотным шипением разливается по галечному песку и тихо отступает, сильно перекачивая камешки, чтобы уступить место новой волне.

Герка чувствовал влажный воздух и был лёгок и счастлив. Как будто какое-то лучшее воспоминание или мечта воплощались прямо сейчас и он здесь, в этом прекрасном месте, в это чудесное время.

Там на пляже жила собака. Рыжая, худая, овчарка, вроде. Герка встретил её случайно, когда задержался тут однажды до темноты.

Тогда он исследовал берег – прошёл вдоль воды с километр. Идти местами было сложно: путь преграждали хлипкие топи и бурелом. Герке хотелось проверить свои силы, он чувствовал маленькое торжество каждый раз, пробираясь сквозь преграды.

Дорога вдоль берега привела его к маленькой бухточке – озеро слегка вдавалось в сушу, очерчивая аккуратный полукруг метров пятнадцать длиной. Вода тихонько плескалась,

шурша каменной крошкой, которой был усыпан берег, свободный от кустов и деревьев. В бухточке было светлее – над ней раскинулось вечернее сине-чёрное небо в разводах светлых облаков. У Герки захватило дух от открывшейся красоты, он пропустил бревно, преграждавшее путь, споткнулся и кубарем выкатился на пляж бухточки. Острые крошки впились в локти, когда он вставал, ушибленная нога ныла, но он был рад, что умудрился взять левее и не плюхнуться в воду.

Отряхнувшись, Герка с удовольствием вдохнул свежий озёрный воздух и огляделся.

Неподалёку в смешении теней светлела коряга причудливой формы, напоминавшей то ли сплётшихся в таинственном танце эльфов, то ли небольшого зверька возле бурного речного водопадика. Герка довольно долго разглядывал корягу, пытаясь угадать в ней ещё какие-нибудь образы. Потом взгляд его скользнул вправо, где уже начинались кусты, и он увидел вторую корягу, поразительно похожую на голову собаки. Казалось, будто довольно крупная собака спит, положив голову на передние лапы: Герка даже чётко разглядел развёрнутые назад короткие висячие уши. И вдруг голова собаки пошевелилась. Герка вздрогнул и отскочил на пару шагов. Голова приподнялась над землёй и мгновение спустя вся собака шагнула к нему из тени кустов.

Она была худа и взлохмачена.

Нет, это не Смельчак.

Собака подошла и ткнулась носом в Геркину руку.

– Да ты голодная, наверное, – мальчик с удовольствием запустил ладонь в тёплую косматую шерсть на загривке. Собака подныривала под руку и тихонько виляла хвостом.

– Голодная, – ласково повторил Герка, глядя узкую морду, доверчиво подставляемую собакой.

На следующий день он взял три разных угощения: немного корма Смельчака, котлету со вчерашнего ужина и пакетик собачьих консервов.

Ему снова пришлось пробираться через бурелом и топи, но в этот раз идти оказалось легче.

Собака сразу подбежала к нему, едва Герка ступил на хрупающие камни. Она с жадностью съела котлету и консервы. Обнюхав, набрала в пасть корм и побежала к кустам в отдалении от берега. Там она принялась рыть каменную крошку и землю. Герка приблизился так, чтобы не мешать, и с интересом наблюдал. Собака вырыла неглубокую ямку, наклонилась и аккуратно высыпала корм в ямку, затем носом столкнула поверх корма клочок земли. Закончив, она обернулась к Герке и завиляла хвостом.

– Да ты запасливая! – засмеялся он.

С тех пор он старался приходить каждый день и всегда приносил угощение.

Герка садился по вечерам, зарывал ноги в колкий тёплый у поверхности каменный песок и разговаривал с собакой, гладил её по голове, за ушами. Она ласково смотрела на него

и доверчиво клала голову на колени.

Может быть, эта собака сможет заменить Смелычака?

Герка отогнал эту мысль, когда она однажды возникла. Нет, он ещё не был готов проститься со своим лабрадором.

После майских праздников жизнь как будто вернулась в прежнее русло: на улицах стало многолюдно, дети играли во дворах, велосипедисты и скейтеры проносились мимо, подрезая на поворотах. Только строгие предупреждения о социальной дистанции и яркие разделительные полосы в общественных местах назойливыми маячками требовали уважения и страха перед вирусом, рассеявшимся по планете. Самоизолировавшихся граждан стало меньше, многие тянулись к свету, как травинки после зимнего мрака. Лица, в большинстве прикрытые масками, глядели устало и тревожно. И это были взрослые лица. Дети беспечно срывали маски, толпились у касс, забежав за мороженым, и галдели на улицах.

"Ваша собака у меня."

Эта короткая фраза пришла комментарием в ВК рано утром. Был конец учебного года, "мучебного", как его назы-

вал Герка.

Пользователь vampire отправил комментарий на Геркин пост о пропавшем Смелъчаке в 5:30 в субботу. Герка, конечно, ещё спал.

...typing

– "Здравствуйте, большое спасибо, что приютили Смелъчака. Я сегодня за ним приду. В какое время вам удобно?"

– "12–16"

– "Хорошо. Где вас найти, какой адрес?"

– "улица Маяковского низ"

– "номер дома?"

Но дальше vampire не отвечал.

– Может, сходим вместе? – предложила мама за завтраком, когда Герка сообщил ей радостную новость.

– Спасибо, – ответил он, – давай я сам.

– Хорошо, – согласилась мама, улыбаясь, – всё-таки, ты столько его искал.

Герка собирался спокойно и неторопливо. Он даже удивился сам себе. Ему казалось, что когда Смелъчак найдется, он бегом кинется его забирать, ведь столько ждал. Но теперь он был расслаблен, как будто всегда знал, что его пёс в тех надёжных руках и теперь просто пришла пора вернуть его домой.

– Мам, где документы Смелычака?

– Во втором ящике комода.

– Что-то нужно взять в качестве вознаграждения, – напомнила в прихожей мама.

Герка долго ломал голову, что это может быть, и решил так: взять шоколадку и предложить нашедшему любую награду, которую тот попросит.

По пути он завернул к киоску, выбрал свою любимую плитку шоколада и спрятал во внутренний карман ветровки.

Теперь надо выяснить, куда идти.

...typing

– "Я иду к вам, уточните адрес"

– "Маяковского 17"

"будем ждать у третьего под'езда"

Улица Маяковского была одной из самых длинных в городе. Она соединяла ж/д и авто вокзал с центром. "Низом" как раз в народе прозвали начало улицы у вокзала, а "верхом" – конец, где разворачивалась центральная площадь.

В этой части города Герка обычно бывал летом, когда ездил с друзьями на велосипедах. Отсюда из "низа" удобно выбраться за город.

Он поднялся в довольно крутую горку и завернул во двор. Вот и Маяковского 17. Найдя глазами третий подъезд, Герка постарался рассмотреть издали, кто же стоит с лабрадо-

ром, смирно сидевшем у скамейки, и, споткнувшись, оторопел.

Это Сашка. Заслышав это имя учителя безнадежно качали головой, девочки презрительно подергивали плечиками, а мальчики крутили пальцем у виска. Родители растерянно отводили взгляд, словно сожалея, что ничего не могут поделать с этим диким человеком. Все самые немыслимые эксперименты над обществом (бунты, скандалы, простесты и прочие деяния, о которых только могут в тайне думать подростки) были проделаны Сашкой. Школьный психолог, подергивая правой щекой, еженедельно уверяла педсовет, что Сашка в понедельник не придёт. И каждый раз ошибалась. Видимо, что-то Сашку в школе держало. Может, Сашкина слава, которая гремела по всему району. Это имя, разумеется, знали и в комнате по делам несовершеннолетних и в соцзащите.

Но самым удивительным было, что оно принадлежало вовсе не отпетому хулигану в рваной толстовке. А девочке.

Невысокая, тонкая и юркая, она никогда не была замечена в юбке или туфлях. В лице её, словно азиатской расы, не угадывались черты девочки. Оно было непонятным и непроницаемым. Глаза почти чёрного цвета всегда слегка сощурены, губы плотно сжаты или растянуты в ухмылке. Скулы, чётко очерченные на худом лице, придавали ей суровую дикость. Чёрные прямые волосы до плеч всегда были предоставлены сами себе и свободно развевались, иногда собираясь в пряди и путаясь, что придавало Сашке сходство с Маугли. Никто

не мог с уверенностью сказать, на что она способна. Движения её стремительные и решительные, как и слова часто оказывались очень неожиданными.

Она училась где-то в параллели. Герка не особенно интересовался школьными сплетнями, но когда однажды, ещё до изоляции, случайно бросил взгляд в окно на уроке геометрии и увидел девчонку, сидящую на ветке рябины, чуть не упал со стула. Матвей рассказал ему о ней все факты и слухи на перемене. Кроме того Герка часто слышал её имя в отрывках фраз учителей, когда проходил мимо (поразительно, как много приходится за день невольно выслушивать таких отрывков, перемещаясь по коридорам школы). Но ни разу не встречал Сашу лично и даже не знал, какой у неё голос.

По слухам она могла неделю не выходить из дома или наоборот, весь световой день, а порой и ночь обретаться в торговом центре, в кино, в кафе, в парке, в скейт парке, и ещё невесть где. С карантинном, который Сашка, разумеется, соблюдать не собиралась, диапазон мест тусовки для неё сильно сократился. Поэтому она сосредоточилась на соцсетях и митингах против антивирусной вакцинации.

Саша числилась жильцом Маяковского 17 – обычной многоэтажки, которая длинной змеёй вползала на холм. В её подъезде жили люди с семьдесят вторым уровнем осознанности в экологии, трудоспособности и кооперации. Все как один, включая Сашкиных родителей, они сортировали му-

сор на всевозможные фракции, проводили пятнадцать субботников в году и обустроили премилый палисадник вместо простого газона вдоль своих окон. Там цвели цветы круглый сезон от первой травинки до первой снежинки, была зона для детских грядок, островки девственного дёрна с обычной травой и даже водопадик на горке из булыжников.

Герка приблизился к третьему подъезду, и Смельчак радостно рванулся навстречу, но Сашка быстро укоротила поводок так, что пёс остался стоять рядом с ней.

– Привет! – поздоровался Герка. – Это я хозяин этой собаки.

Сашка наклонилась, чтобы утихомирить пса, и волосы её закачались перед лицом чёрной бахромой.

– Носился, дурачок, по проезжей части, – она выпрямилась и ласково посмотрела на Смельчака, отчего Герке, почему-то стало приятно, словно его похвалили. Только длилось это радостное чувство секунд пять, потому что потом Сашка обратилась к нему:

– А ты, тоже мне, хозяин. Где залипаешь, когда собаку выпускаешь? Вообще-то намордник и поводок должны быть. И ходить с ним надо.

– Дак я... – Герка растерялся. Ему не хотелось объяснять, что пёс просто вырвался из его рук. К счастью, Сашке это было не интересно.

– Дак, дак, – передразнила она без тени усмешки, – я тебе

отдам, а он завтра под машину попадёт.

– Слушай... – Герка старался не поддаваться гневу, который вскипал потихоньку от слов этой девчонки, прочно державшей его собаку на поводке.

Сашка продолжала, совершенно не слушая:

– Дрессировка ещё нужна, чтобы знал, где дорога, а то заводят собак поиграться и никакой ответственности. – Она мрачно смотрела из-под бровей. Герка открыл рот, но она снова перебила:

– Ты и не учил его командам.

– Ты... – он, замешкался, подбирая слова. Жесть! Да как она смеет! Но Сашка за словами в карман не лезла:

– Детский сад, – презрительно бросила она, – одни игрушки на уме.

Герка уже пожалел, что пришёл один. Он понял: лучше побыстрее забрать Смелыча, чтобы не выслушивать претензии.

– И всё-таки, это мой пёс, – громко и быстро сказал мальчик, – вот документы.

Он коротким жестом показал девчонке папку с родословной лабрадора.

– Бюрократ, – Сашка поразительно умела съязвить на каждую реплику, – хозяин не бумажкой, а воспитанием определяется. Слушается тебя?

– Само собой, – буркнул Герка.

– Хорошо, – просто сказала Сашка, бросив непонятный

взгляд прищуренных тёмных глаз, и отстегнула поводок от ошейника Смельчака, – лови.

Герку прошибли мурашки от тревоги, что собака снова удерёт, и шока от беспримерной наглости девчонки.

Лабрадор сорвался с места и в один прыжок оказался возле Герки, подпрыгивая, повизгивая и бешено виляя хвостом.

– Смельчак, – благодарно шептал мальчик, глядя его, – хороший пёс. Он чувствовал торжество над Сашкой, её ядовитые претензии иссякли.

Она фыркнула.

– На, – протянула поводок и, круто развернувшись, скрылась в подъезде, не прощаясь.

"Дикая" – подумал Герка, сунув лишний поводок в карман, пристегнул Смельчака к его родному поводку и направился домой.

Мама и папа встречали их у двери. Смельчак, повизгивая метался, суча лапами и пробуксовывая на гладком полу, от одного к другому, всем своим существом выражая полный восторг. Мама улыбалась, лаская лабрадора, а папа хлопнул Герку по плечу:

– Молодец, сынок! Всё-таки нашёл!

– С возвращением, блудный сын! – мама поманила пса на кухню, – Пойдём, угощу.

Смельчак с готовностью потрусил за ней.

Папа усмехнулся, переглянувшись с Геркой, и крикнул им

вдогонку:

– А остальным что-то полагается?

Снимая куртку в прихожей, Герка удивился, что она тяжелее, чем обычно и, вешая на крючок, нащупал в нагрудном кармане шоколадку...

Следующим утром Герка отправился за кормом для Смельчака – все запасы были скормлены бездомной собаке на пляже.

Подходящий зоомагазин находился далеко, поэтому мальчик сел в автобус. Здесь, как и в любом общественном месте, со всех окон на пассажиров смотрели яркие требования о ношении масок и соблюдении соц. дистанции.

Народу было немного, но Герка остался стоять в проходе, потому что не любил ездить в автобусе сидя.

Кондуктор, похожая на медсестру из-за натянутой до самых глаз голубой маски, протянула Герке терминал для бесконтактной оплаты, сурово глядя куда-то за него.

Развернувшись, кондуктор заметила пожилого мужчину на втором ряду сидений, который опустил маску на подбородок, и громко потребовала:

– Мужчина, немедленно наденьте маску. Нашёлся ещё один!

Старичок поспешно натянул маску, а Герка вздохнул.

"Лает как собака."

Тут ему вспомнились чёрные волосы, прищуренные глаза и резкие фразы из вчерашнего разговора.

"Да кто она такая, чтобы отчитывать меня, как первоклассника, – думал он, – Теперь ещё поводок надо отдать, опять идти к этой истеричке..."

Герка даже вздрогнул, услышав над самым ухом как раз её голос:

– Я тебе вчера ссылку одну кинула. Читал?

Они стояли в проходе спиной к спине, Сашка была без маски и говорила через плечо.

– Ты чего не отвечаешь?

Герка не поворачивался.

– Я же вижу, что прочитано. Кринжуешь?

Он раздражённо поправил ляжку рюкзака и вдруг почувствовал что-то твёрдое в кармане на груди. Вознаграждение. Быстро расстегнув карман, он достал шоколадку и, не глядя, протянул её назад. Не без удовольствия, Герка отметил замешательство девчонки.

Спустя несколько мгновений Сашка взяла шоколадку:

– С какой стати?

– За собаку.

– Ссылка тоже для собаки, – сразу ответила Сашка, – просто был бы у него аккаунт и умение читать, я ему бы отправила. Прочитай для него, от тебя не убудет.

Герка неопределённо кивнул.

В этот момент автобус подъехал к остановке и в его шипе-

нии и жужжании дверных моторчиков Герка услышал тихое – Спасибо.

Сашка вышла.

Дела закружили Герку до позднего вечера: он долго и с удовольствием гулял со Смельчаком, познакомил с ним Александра, навестил собаку на пляже; затем на него напала золушкина лихорадка – так у них в семье назывался внезапный порыв к уборке – Герка прибрался в комнате. Потом он помогал Диме – его бабушку выписали из больницы – нужно было организовать такси до дома. Дима с родителями справились бы и сами, но Герка чувствовал, что должен поучаствовать.

Он пропустил ужин и, вернувшись, нашёл заботливо оставленную ему порцию салата и плова. Сунув тарелку с пловом в микроволновку, Герка открыл в ВК чат с vampire. Там оказалась ссылка на мастерскую гравировки и приписка:

Вот, попробуй – больше не потеряется.

"Причём тут гравировка?" – Герка ломал голову, пока не заснул.

Утром разгадка нашлась: Герка, собираясь на прогулку, обнаружил поводок, отданный ему Сашкой, и ошейник. На ошейнике болталась металлическая бирка с гравировкой:

"Нашли? Звоните:
9681453679"

Герка решил, что первым делом отнесёт поводок и, надо признать, поблагодарит Сашку за идею.

Он уже был на полпути к Маяковского 17, когда понял, что не знает номера квартиры.

...typing

– "Я несу вернуть вам поводок с ошейником. Буду через 10 минут. Какая квартира?"

– "Я буду у под'езда."

Сашка махнула рукой, завидев его, в знак приветствия. Герка кивнул – он не хотел говорить первым.

– Спасибки, а то это не мой. Маминой сестры, шас пойду отнесу.

– У неё есть собака? – Герка, конечно, не мог не спросить.

– Ага, твоему как раз по росту – овчарка. А то ошейник моего был бы мал, вот я и одолжила.

Герка опять не скрывал любопытства:

– А у тебя кто?

– Миттельшнауцер.

Мальчик присвистнул – Сашка, получается, умеет дрессировать собак. Миттельшнауцеры требуют последователь-

ного строгого воспитания. Он себе бы ни за что не завёл.

– Сама дрессируешь?

– К'нечно. Я с Перчиком на выставку собиралась, но всё отменили из-за... – Сашка споткнулась, подбирая слова, – этих дурацких мер.

Герка кивнул – понятно.

– Этот вирус для трусов, – сердито заявила Сашка. – Прятались по домам и дрожат. По мне так грипп гриппом. Шум этот выгоден просто кому-то и всё, – бросила она, размахивая поводком.

– Я вот, маску не ношу и не собираюсь.

Герка и не сомневался.

– Ну, к подопечным стараюсь вырядиться, конечно, а то всякие бывают, – добавила Сашка. – У меня одна бабулька чуть в обморок не падает, если чихнёшь.

Что за бабулька? Герка недоумевал:

– К подопечным?

– Ну, как их назвать ещё, – Сашка вращала глазами, приняв жуткое выражение лица, – "Клиенты" – терпеть не могу это слово.

Герка окончательно запутался. Какие клиенты?!

– Зачем тебе они?

Сашка фыркнула:

– Не они мне, а я – им. – Она с усмешкой глянула на Герку, – волонтерю, в магаз, там сбегать, ещё куда. Все ж по му-

равейникам закрылись теперь, нос на улицу не вытащат.

Герка не до конца верил своим ушам.

– И когда ты к ним ходишь?

– В понедельник и пятницу утром, остальные дни – после обеда, – беспечно протараторила девчонка.

– Подожди, – не понял Герка, – утром же...

– Школа? – Сашка усмехнулась, как будто Герка расспрашивал её об очевидных вещах. – Ну и что.

Герка просидел в комнате весь вечер, изучая условия вступления в местный волонтерский отряд. И наткнулся на непреодолимое препятствие: возраст. В условиях чёрным по белому было написано, что в волонтеры, которые помогают изолированным гражданам, принимают с восемнадцати лет.

А как же Сашка?

Теперь у него не было повода идти на Маяковского 17: Смелчак возвращён, поводок отдан, но гуляя, он незаметно для самого себя пришёл в этот район. Не то, чтобы ему хотелось встретить Сашку, он просто из любопытства при случае узнал бы про волонтерство. А может, и уличил её во лжи.

Ни на что не рассчитывая, он прошёл вдоль улицы, миновал Сашкин дом и вырулил на густо заросшую кустами коротенькую улицу Лермонтова, которая как и его двор, сосед-

ствовала с небольшим леском. Тут на противоположной стороне он увидел Сашку.

Герка не мог пройти мимо:

– Всё нормально?

– Да, нормально, – громко и бодро выкрикнула девчонка.

Она с явным трудом удерживала поводки тянувших в разные стороны собак. Тут были штуки три мелкие декоративные породы, овчарка, два спаниеля.

Герка поразился, как она вообще справлялась с такой сворой. Вот-вот Сашка выпустит поводок овчарки и спаниеля. Он подбежал и перехватил их.

– Куда столько? – угрюмо бросил он.

– Новенькие просто, – отдуваясь ответила Сашка, выдернув из уха один наушник. – Вот эти, – она кивнула в сторону собак, которых теперь держал Герка.

– Зачем берёшь тогда, если не справляешься? – строго спросил мальчик.

– Потому что дают.

– Куда ведёшь? – Герка решил оставить комментарии, помня как эта девчонка выносит мозг.

– С прогулки уже. По домам, – слышно было как она запыхалась, управляясь с шестью собаками.

Герка махнул рукой вниз по улице:

– Туда?

Она кивнула.

– Пошли, – Герка повёл двух новеньких.

Сашка шла рядом тощая и угловатая. Геркина мама сочувственно называла таких девочек "кощеюшками". Она шагала твёрдо, один наушник в ухе, и безразлично смотрела вперёд.

Собаки периодически спутывались поводками, но в целом бежали ровно, почуяв дорогу домой.

Через двадцать минут четверо из шести собак были возвращены хозяевам. Оставшихся двух новеньких Сашка забрала у Герки.

– Ну всё, спасибо, – она кивнула и зашагала через дворы.

Герка не отставал и ещё уходить не планировал, он должен выяснить.

– Ты не волонтёр официально, – заявил Герка, – по закону не можешь ещё быть. – Он кивнул на овчарку со спаниелем, бегущих впереди. – А если что случится, как отвечать? – и взглянул Сашке в лицо.

– Волонтёр, – твёрдо заявила Сашка, дёрнув плечами. – Я подделала документы – им ведь сканы нужно отправить, – она усмехнулась, – лично с оригиналом документа никуда нельзя, а то бы раскусили. – И выдернула второй наушник.

– Я шарю в фоторедакторах, – добавила она, смеясь.

Тут на Герку посыпался какой-то мелкий мусор. Он отскочил и посмотрел вверх. На балконе стояла женщина, ловко вытряхивая маленький коврик, какие обычно кладут у входных дверей.

– Эй, потише там! – звонко крикнула Сашка. Герке от та-

кого оклика захотелось сжаться, ведь сейчас будет перебранка. Он покачал головой и негромко сказал:

– Да ладно, пошли.

Но Сашка, разумеется, не собиралась это так оставить.

– Вам спуститься-то не судьба? Мусор так-то на голову сыпется. – Сашка отошла немного так, чтобы видеть хозяйку балкона.

Та была средних лет, сурового вида с сероватым лицом и грузным подбородком. Видно было, что спускаться и вообще двигаться ей и правда непросто.

– Иди куда шла! – строгим гулким голосом отозвалась она, смерив Сашку взглядом. Мельком глянув на Герку, она добавила:

– Нашлась тут, пигалица!

Сашка переступила с ноги на ногу.

– Я вас не оскорбляла!

Женщина уложила локти на перила и хищно вытянув шею, сверлила Сашку взглядом:

– Рот свой закрыла!

– Свой закройте! – Саша вложила руки, продетые в петли собачьих поводков, в карманы и, закинув голову смотрела прямо на женщину.

– Самая умная что ли? – она кивком указала на стоявший на балконе пыльный мешок. – Сейчас прилетит покрепче, – и присобачила ещё пару грязных ругательств, которые должны были утратить девчонку окончательно.

Герка тронул Сашку за плечо:

– Зачем тебе? Пошли.

Но Сашка, видимо, вошла в раж.

– У-у, сколько грязи внутри! Помои на завтрак, что ли, едите? – веселясь, крикнула она.

Герка безнадёжно покачал головой. Вот зачем она это делает? Он внимательно смотрел на Сашку: в её глазах мелькал азартный огонёк. Ей как экстремалу-любителю было в кайф испытывать судьбу. Только она не рисковала свернуть шею или перебить позвоночник – она вызывала в людях всё худшее, что таилось от глаз других, а может и их самих. Он почувствовал это на себе и представлял, что испытывает женщина на балконе.

Нет, не представлял.

Потому что та яростно выкрикнула:

– Ах ты... – поток грязной ругани, – да вы все... – в том же духе с тем смыслом, что Сашка и Герка совсем страх потеряли, ведут аморальный образ жизни и слоняются по улицам, мешая обществу.

Сашка не успела ответить, потому что Герка схватил её за руку и рванул прочь из двора, под звонкий лай, бежавших рядом собак, едва завидев, как спорщица с балкона наклонилась и подхватила что-то лежавшее там. Затем выпрямилась и неистово размахнувшись, швырнула в них. Тяжёлая, пропитавшаяся весенними дождями, старая тряпка плюхнулась на то место, где они только что стояли, обдав затхлыми

брызгами молодого мужчину с детской коляской, проходившего поблизости. Герка слышал, как он возмущённо что-то крикнул, а в ответ раздался хлопок балконной двери.

– Нам отсюда уже недалеко, – как ни в чём не бывало заявила Сашка. Она перехватила поводки двух оставшихся собак, – эти в одном подъезде там через дом.

Теперь Герка никому не давал гулять с собакой. Он брал Смелычака и отправлялся на Маяковского 17. Там, встретившись с Сашей, он помогал ей с выгулом доверенных собак, пока она обходила своих "подопечных". Обычно набиралось пять-шесть четвероногих, плюс Смелычак. Сашка никогда не включала Перчика в эту стаю – слишком заносчивый, утверждала она. Герка с удовольствием водил их в отдалённые места выгула, да и Смелычак был не прочь поиграть с ними, хотя поначалу грызня в этой маленькой стае случалась регулярно. Постепенно собаки выстроили иерархию и ссоры почти сошли на нет. Геркиной заслуги здесь не было – просто выявился вожак. Им стала престарелая овчарка, в молодости прошедшая пожарную службу.

Герка с интересом наблюдал, как решаются конфликты. Это всегда было выяснение отношений двух членов мини-стаи. Они начинали громко лаять и наскакивать друг на друга. В первые такие разборки Герка серьёзно нервничал,

пытался растащить собак, но получив пару укусов, отступил. Он боялся вернуть хозяевам потрёпанного питомца, – не уследил, допустил драку. Но собаки всё-таки не люди. Они меряются силами и побеждённый принимает свой статус, а победитель никогда не добивает соперника. Все доверенные Герке собаки возвращались целыми и невредимыми.

Обычно их прогулки длились около двух часов. Потом они с Сашей возвращали всех питомцев по домам.

– Надо разок поменяться, – как-то сказала она, потрепав Смельчака по загривку. А то я всё по квартирам, да по квартирам.

– Ты хочешь с собаками повозиться?

– Они лучше людей, – просто сказала Сашка, – люди – дрянь.

В середине лета про вирус, кажется, забыли. По крайней мере, Герка стал спокойно заходить в магазин без маски, а кинотеатр открыл гостеприимно двери.

Жара нарастала, и лес, прежде даривший прохладу, стал наполняться горячим запахом хвои.

– Надо бы с ними к воде сходить – там полегче.

Сказал как-то Герка, прислонившись плечом к шершавой стене возле Сашкиного подъезда. Они сдали питомцев и теперь мальчик, присев на корточки, честно делил со Смельчаком остатки воды из бутылки, выливая ему часть в большой лист лопуха вместо миски.

– Давай, – отозвалась Сашка, – я спрошу у хозяев.

– И, знаешь, – она перебросила пустую бутылку из руки в руку, – я пойду тоже.

Герка поднял на неё взгляд.

– С тобой... интереснее. – Сашка принялась рассеянно рассматривать Смельчака, а Герка заметил румянец на её щеках. – Ты настоящий.

У него внутри разлилось щемящее чувство чего-то из детства, когда идёшь и чувствуешь аромат тёплой земли, а тебя одновременно ласково греет солнечный предзакатный луч и так легко-легко.

– Саша, знаешь, что... – сказал он, выпрямляясь.

– Чего?

– Пойдём завтра гулять.

Она фыркнула:

– Дык, итак гуляем каждый день...

Герка мотнул головой, не давая ей продолжить:

– Без собак, просто вдвоём. Я тебе одно место покажу, тебе там понравится.

Почему-то в сердце Герки всё сжалось, и как будто замерзло, пока он ждал, что ответит Сашка.

Она глянула на него, не опустив глаза, пожала плечами:

– Давай.

Отлегло. Согласилась.

Он бодро сказал:

– Тогда я завтра зайду, как обычно. Пока! – быстро добавил он, развернулся и зашагал вдоль клумб, не заботясь, поспевает ли за ним пёс.

Герка знал, что Сашка сверлит его взглядом: он почти ощущал этот взгляд чуть ниже затылка. Он очень хотел обернуться, но вместо этого ускорил шаг. Почти добежав до своротки на улицу, Герка всё же обернулся: Сашка подняла руку и, словно сомневаясь, махнула. Герка повернул за угол. Сверкающая гирлянда мчащихся машин обрушилась и почти ослепила его, но он не заметил. Перед его взглядом ещё стояло Сашкино лицо, и теперь, он был уверен, она улыбалась.